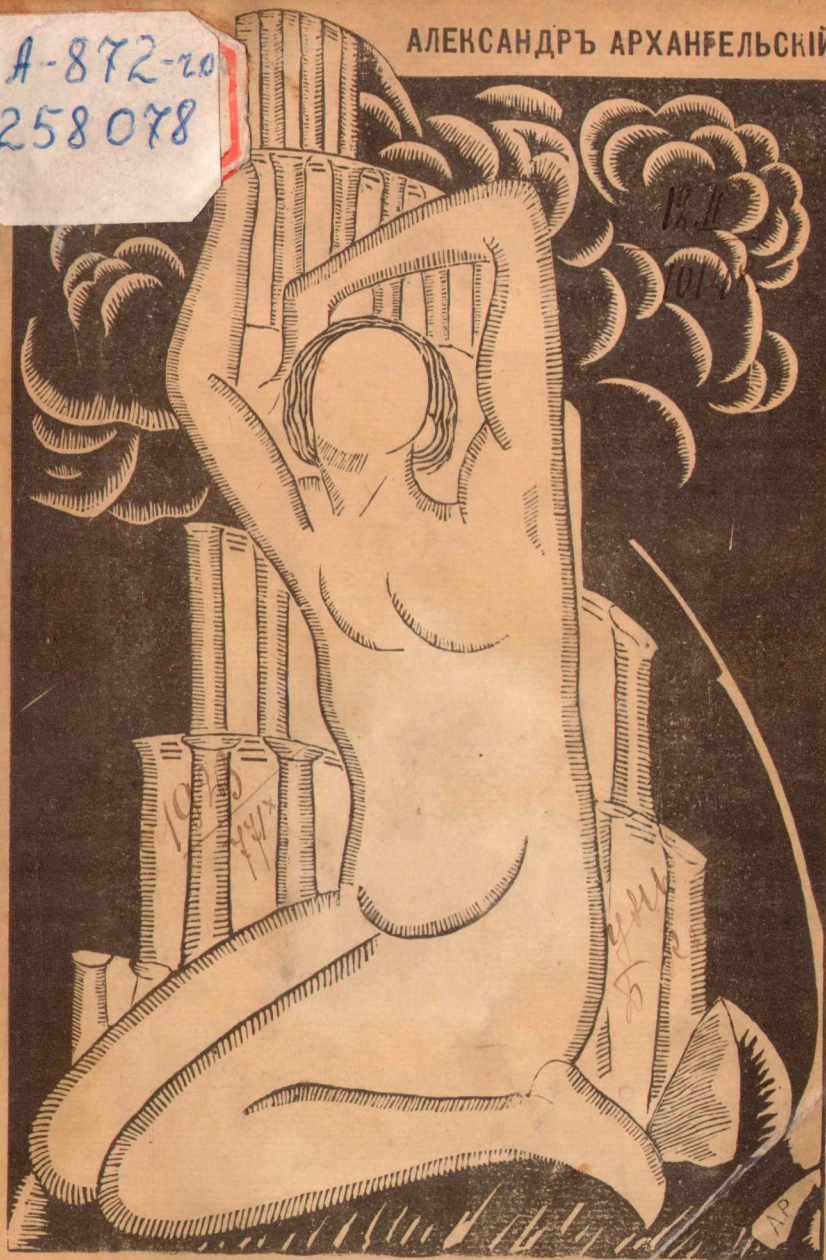

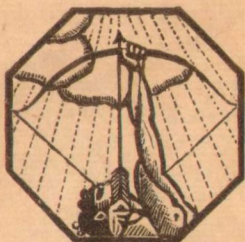
АЛЕКСАНДРЪ АРХАНГЕЛЬСКІЙ

A-872-20
258078

ЧЕРНЫЯ ОБЛАКА.

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

К-ВО
, СТРѢЛЕЦ'

Складъ изданія:
Книжный складъ бывшаго Черниговскаго
Губернскаго Земства, Шоссейная, 28.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00521174

2

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY

106

Для отзыва

ЧЕРНЫЯ ОБЛАКА.

A-822-4.0. *1923*

АЛЕКСАНДРЪ АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

~~19. II.~~
~~10. 148.~~

ЧЕРНЫЯ ОБЛАКА.

СТИХИ.

Центральная библиотека
1923
44/1x

1923
К. 145
258078

ЧЕРНИГОВЪ.

Издательство „СТРѢЛЕЦЪ“.

1919.

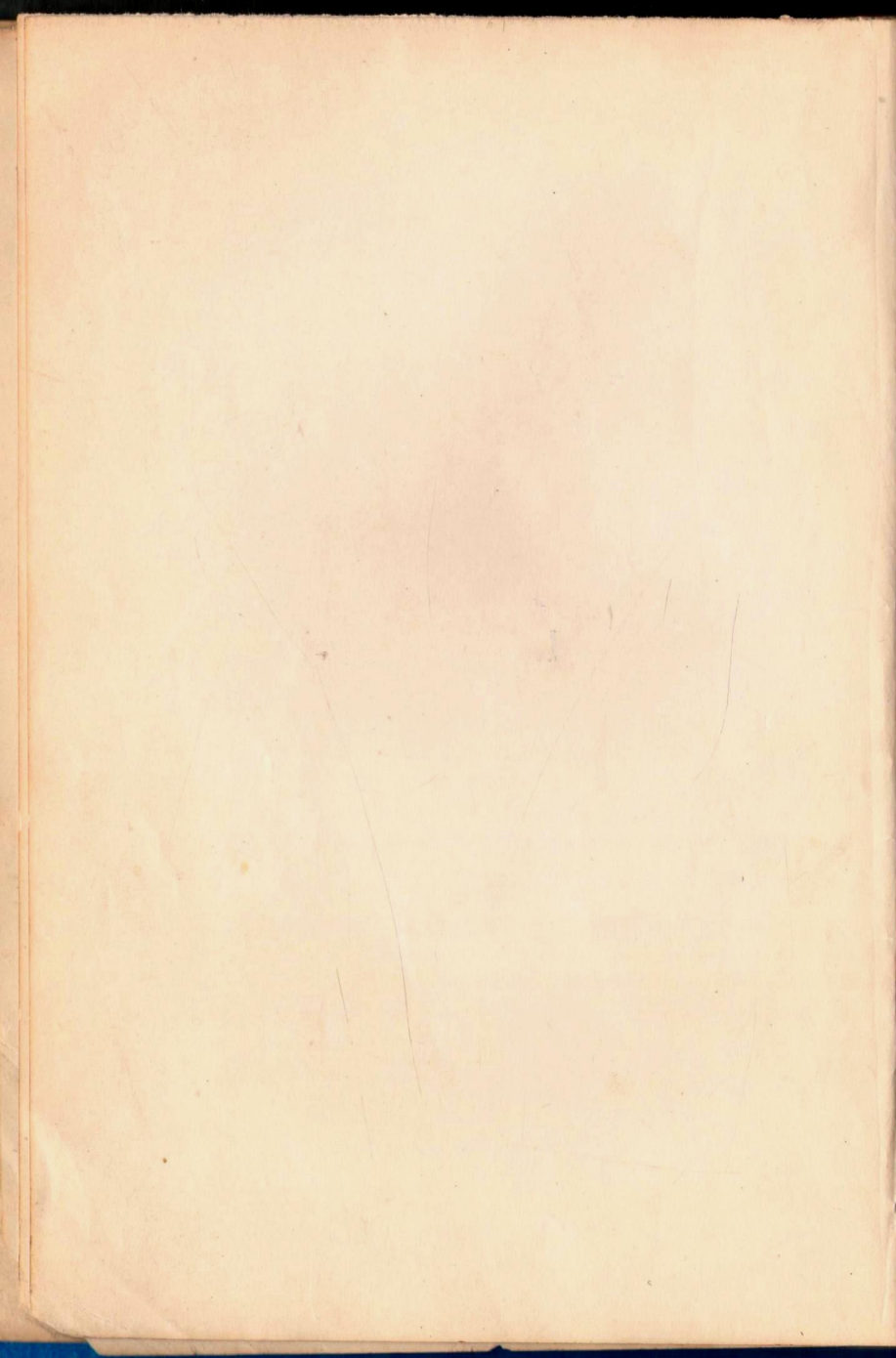
58

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1911

I.

ВОЙНА.

Гляжу въ безумство міровое,
Испуганный, едва дыша.
Гдѣ слово Господа живое?
Гдѣ окрыленная душа?

Чудовищны автомобили,
И страшень скрежетъ ихъ и вой,
Когда они въ дыму и пыли
Ползутъ-ползутъ по мостовой.

1914.

Спускается на землю мгла,
На сердце—тайная тревога.
Душа безмолвна и убога
Въ объятіяхъ земного зла.

О, ночь! О, тонкая игла
Напоминающаго Бога
О томъ, что трудная дорога
Предъ всѣми—равная легла!

1914.

НА ВЗЯТІЕ ПЕРЕМЫШЛЯ.

Въ вечерней мглѣ сіяють вензеля.
Играетъ музыка. Трепещутъ флаги.
Скупая дань безумству и отвагѣ
Твоихъ сыновъ, ослѣпшая земля.

Воистину, взлетая, отупѣть
Намъ суждено отъ жалкаго восторга,
Когда вокругъ чудовишнаго морга
Еще мы можемъ танцовать и пѣть.

А богъ войны безчувственный и глупый
Для утоленья жажды тянетъ кровь,
Пятою тяжелой придавивъ любовь.
И пляшетъ Смерть. И всюду—трупы... трупы...

1915.

Схватили руками грязными
И по улицамъ волокутъ.
Защищаю рѣчью безсвязной
Твою святую тоску:

Эй, вы, обезьяны ученые,
Всеобщіе палачи!
Кому поднесете короны
И тюремъ вашихъ ключи?
Кого предадите анаѣмъ?
Какихъ призовете варягъ?
Чьей пролитой кровью на плахъ
Окрасите бѣлый флагъ?

Задыхаюсь отъ боязни.
Мнѣ не милы жизни дни.
Если мы достойны казни—
Ты скорѣ насъ казни.

Передъ жертвенною чашей
Скрытой Господомъ во мглѣ,
Я молюсь о жизни нашей
На мучительной землѣ.

УСТАЛАЯ СМЕРТЬ.

Стучался кто-то у порога—
Не зналъ я: недругъ или другъ.
На мигъ въ груди вздохнулъ испугъ,
Въ тоскѣ помедлилъ я немного
И отперъ дверь.
И замеръ—
Смерть!

Вошла она и стала рядомъ.
Коснулась трепетно рукой
Моей руки и мой покой
Окинула усталымъ взглядомъ:
— Не бойся!
Я не за тобой.
Укрой меня! Я перестала хотѣть
И больше не могу. Ищу покой.
Бѣгу, бѣгу! Я такъ устала!

Укрой глаза отъ злыхъ пожарищъ,
Слухъ отъ рыданій матерей.
Отъ сумашествія царей
Спаси, спаси меня, товарищъ!

Отъ смрадныхъ тѣлъ и дымной крови,
Отъ исковерканныхъ калѣкъ!..
Мнѣ страшень, страшень человѣкъ!
Весь міръ меня въ безумьи ловить!
Спаси!..
Укрой!..

.

Стучится кто-то тихо-тихо.
Не просыпается испугъ.
Пускай стучится—врагъ иль другъ,
Усталый путникъ иль волчиха,—
Я заперъ дверь.
Я спряталъ Смерть!

1916.

Въ тѣ дни, когда бѣсилась нежить,
Водою проливая кровь,
Неслышно проводила межи
Для насъ нетлѣнная любовь.

Какъ было трудно! Длились миги,
Столѣтіемъ казался часъ.
Ни одиночество, ни книги
Въ тѣ дни не охраняли насъ.

Но каждый пѣлъ, смѣясь и плача,
И каждого кропила кровь.
И вѣкъ грядущій обозначилъ
Свою мучительную новъ.

Протяжны попрежнему свисты.
Заунывны зовы тоски.
Попрежнему сны ненавистны
Сжимають въ тискахъ виски.

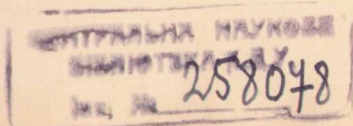
Кругомъ кошмарныя лица,
Границы тюремныхъ стѣнъ.
Сердце, какъ дикая птица,
Впервые попавшая въ плѣнъ.

ОТСТУПЛЕНИЕ.

На скатерть бѣлую стола
Слезинки упадутъ...
Я знаю—скоро скроетъ мгла
Тѣхъ, что въ пути идутъ.
Идутъ они торопливо,
Озираются по сторонамъ:
Что за дивное-диво
Выпадаетъ на долю намъ?
Воевать не хотимъ—воюемъ,
Уходить не желаемъ—идемъ.
Подскакивая,—аллилуйя—
Потихоньку поемъ.
А самый молоденькій
На деревнѣ воды попросилъ.
Воды попросилъ—
Кровью землю оросилъ.

Я не знаю мучительнѣй ночи
И тревоги не знаю ярчѣй:
Изступленное пѣнье рабочихъ
О сверженіи всѣхъ палачей;

Наростаніе ярости дикой
Тамъ, гдѣ смотритъ циклопомъ вокзалъ;
Покрывающій пѣнье и крики,
Сухой, зловѣщій залпъ...

Тоской въ зоологическомъ саду
Я въ посѣщенье каждое ужалень.
Звѣриный ревъ такъ грустенъ и печалень,
Такъ монотоненъ жалкій какаду!

О, жертвы въ человѣческомъ аду,
Гдѣ праведники—котелки и дамы,—
Не вѣдая, какія въ клѣткахъ драмы,
Стоять, глазѣя, и чего-то ждуть.

1914. Петербургъ.

Мы исчисляемъ сроки,
Измѣряемъ глубину.
А Онъ съ высоты, далекий,
Улыбается нашему сну.

Тотъ же клювъ клюетъ сердца намъ.
Врачуетъ насъ тотъ же врачъ.
Мы слагаемъ молитвы ранамъ
И пѣвучій плачъ.

И пускай наши скорби ниже
И усталѣе сердца—
Мы, созидатели, ближе
Сокровенной тайнѣ Творца.

ПРОРОКЪ.

Душа ждала, томилась и ослѣпла—
Не видитъ больше міра своего.
А тамъ вверху, какъ будто бы изъ пепла,
Плывутъ-плывутъ посланники Его.

То облака плывутъ въ игрѣ веселой,
Но влаги милой и желанной нѣтъ,
И солнце шлетъ усталый, сѣрый свѣтъ,
Безплодный свѣтъ на города и села.

На площади затерянный пророкъ
Вопить безумно о грядущемъ страхѣ:
—О, жалкіе! Прозрите! Вы на плахѣ!
Свершается! Уже исполненъ срокъ.
Въ поляхъ безплодныхъ голодъ и чума
Рѣшаютъ споръ о первенствѣ и власти! —

А мертвецы исполнены участя:
—Несчастный! Онъ сошелъ съ ума!

Богъ справедливости утѣшенъ,
Свое справляя торжество:
Бѣглець на деревѣ повѣшенъ
Въ ночь подѣ Христово Рождество.

Но что-же? Звѣзды не погасли,
Волхвы не измѣнили путь,
И пастухи стоятъ у яслей,
Не смѣя въ тишинѣ вздохнуть.

Покорное притихло стадо.
Лишь нѣжный звякнетъ бубенецъ...
Прости, Господь! Ужели надо,
Чтобъ въ эту ночь погибъ бѣглець?

ШАБЛОНЪ.

За городомъ—садъ городской, больница,
Казармы, кладбище и тюрьма.
Все настоящее, и не снится;
Но люди живутъ и не сходятъ съума.

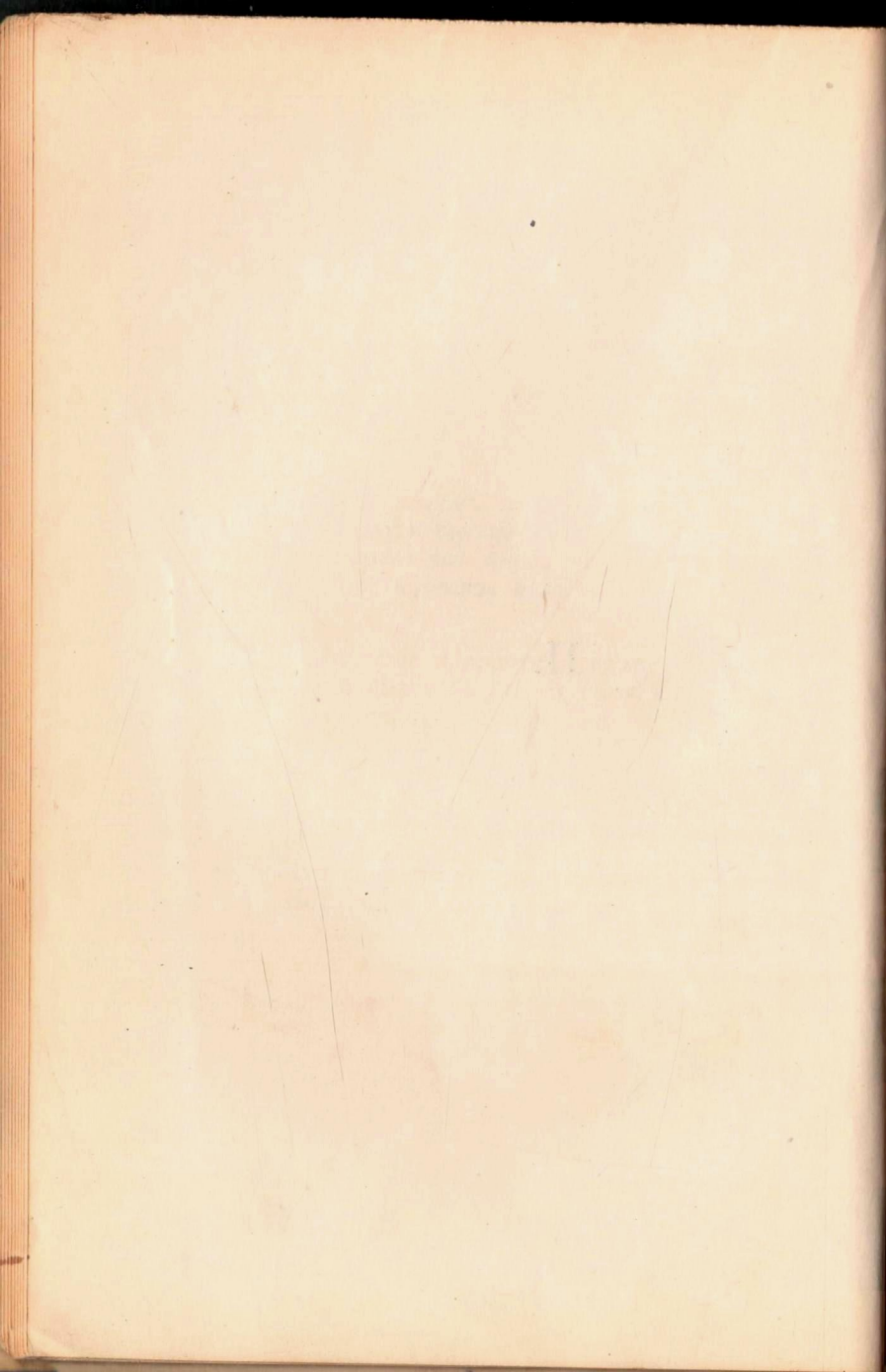
Но людямъ не страшенъ этотъ жребій
Отъ рожденія до похоронъ...
И послѣ смерти ихъ ждетъ на небѣ
Все тотъ же старый, земной шаблонъ.

Еще поединокъ не конченъ,
И падаютъ грузно тѣла,
Но вижу—все тоньше и тоньше
Раздора кровавая мгла.

Все громче и яростнѣй клики
Сходящихся въ битвѣ тѣснѣй.
Но лирниковъ тонкіе лики,
Какъ пѣсни о мирѣ яснѣй.

И ты, удручаемый кровью,
О мирѣ молясь, улови,
Что снова намъ свѣтитъ любовью
Нетлѣнное Солнце Любви.

II.

Я прикоснусь къ тебѣ алмазно
И въ сердцѣ, гдѣ вѣститель мракъ,
Гдѣ двухъ началъ борьба безсвязна,
Любви своей оставлю знакъ.

Двѣнадцать сновъ душѣ приснилось.
Я всталъ—тринадцатый—пошелъ
Искать рѣсницъ душистый шелкъ,
Награду сердцу, Божью милость.

Сказалъ мнѣ Богъ: себя готовъ
Страданьямъ, ужасу, молчанью.
Иди, нѣмой, за дальней данью,
Ищи послѣднюю любовь.

1916.

Не позоветъ, не засмѣется,
Но глянетъ молча, не любя.
И сердце въ пѣсни перельется
И въ пѣсняхъ обрѣтетъ себя.

Суровая проснется злоба,
Тяжелые приснятся сны.
О, если-бъ не любили оба
Въ дыханьи призрачной весны!

1917.

Я отравленъ смертельнымъ ядомъ,
Небывалымъ бредомъ любви.
Ожидающимъ, сѣрымъ взглядомъ
Посмотри, пронзи, позови!

Позабылися всѣ названья,
Перепутались всѣ пути.
Только милые дни свиданья
Миѣ легко любить и нести.

1917.

О, старая, старая сказка,
Трагедія съ жалкою ролью!
Скрываетъ веселая маска
Лицо, искаженное болью.

Никто, никогда не узнаетъ
Тоску невозможныхъ желаній—
Какъ Эросъ мучительно ранить,
Какъ душу любовь распинаетъ!

И въ часъ одиночества поздній,
Когда все пути неизвѣстнѣй,
Въ ладони вбиваются гвозди—
Тяжелыя, темныя пѣсни.

1917.

Ты тщетно желанье неволишь
И смотришь сурово.
Въ сердцѣ печальномъ
Одно лишь старинное слово.

Звѣтное, милое слово—
И съ нимъ не опасно.
Напрасно ты смотришь сурово!
Напрасно!...

1915.

Я не желаю невозможнаго,
Я слишкомъ малое хочу—
Дѣлать молчаніе дорожное
Съ тобой вдвоемъ—плечо къ плечу.

И опьяниться мыслью сладкою,
Что возвращенья нѣтъ назадъ,
Что впереди опять загадкою—
Желанный сердцу Петроградъ!

ОБРЕЧЕННОСТЬ.

Затянули петлю туго,
И никакъ не развязать.
Смотримъ, смотримъ другъ на друга,
Обезумѣли глаза.
А изъ пламеннаго круга
Опускается гроза.

Но грозы не слышно грома,
Яркихъ молній не видать,—
Чтобъ могли мы оба—дома
Въ тихой темнотѣ рыдать.
Не часы—недѣли, годы
Сокрушаться во плѣну.
Наше чаянье свободы
Тонкой ниткою тянуть.

Когда расходятся пути,
И тѣ, кто были раньше вмѣстѣ
Другъ другу посылають вѣсти
Съ припиской горестной: прости,—

О, какъ тогда томить сердца
Разлуки тягостное бремя:
Пространство мертвое и время,
Невѣдающее конца!

РАЗЛУКА.

I.

Не помышляемъ о разлукѣ.
Еще ласкаемъ, не спѣша,
Сердца, но близится, круша
Все на пути, какъ звѣрь сторукий,

Неотвратимая тоска,
Неумолимая разлука.
И слезы, и печаль, и мука,
И зовъ послѣдняго звонка.

II.

Змѣй вихреносный рельсы рѣжетъ.
Въ вагонѣ душно и темно.
На мигъ умолкнетъ вопль и скрежетъ,
На мигъ освѣтится окно.

Видѣніемъ—телеграфистъ,
Склонившійся у аппарата...
И снова колоколь и свистъ.
И снова мчимся: нѣтъ возврата.

И монотонное качанье,
И одинокое мерцанье
Тоской колеблемой свѣчи,
Воспоминанье... бормотанье...
Засни... усни... молчи... молчи...

Что, если правда: нѣтъ возврата,
А только мчанье безъ конца?
Во мглу молчащую, куда-то,
Гдѣ нѣтъ любимого лица?

Викторіи С.

Здѣсь все мертво, туманно, сыро,
Воспоминаній тишина.
Воспоминаній паутина.
Любовь усталая—жена.

Опять я въ снѣговыхъ пространствахъ,
Въ подвалы памяти проникъ.
Усталыя томятъ страницы.
Устало говоритъ дневникъ.

Вернись! Вернись! Изнемогаю...
Творецъ поетъ. Рыдаетъ Тварь.
Воспоминаній паутина,
И муха мертвая—Январь.

1 Января 1917.

Вотъ сумасшествіе поэта,
Ночей безсонныхъ лживый ядъ!
Прикосновеніе пистолета,
Изъ зеркала безумный взглядъ.

Одно нажать и... довольно.
Но испытанью нѣтъ конца.
И выносить мнѣ дольше больно
Взглядъ искаженного лица.

Я отхожу и въ страхѣ вою,
Кусаю пальцы и кричу:
—Кто сдѣлалъ жизнь мою такою?
Я не могу и не хочу!

Отвѣты! Отвѣты!—Но нѣтъ отвѣта.
Все тотъ же плаваетъ туманъ,
Да въ немъ дымокъ отъ пистолета
И кровью смоченный диванъ.

1914.

РАСПЯТІЕ.

Половина четвертаго или пятаго?
Ночи или дня?
Ты хочешь видѣть распятаго?
Посмотри на меня.

Въ этомъ тѣлѣ душа дрожащая,
Какъ струна.
Въ этомъ домѣ—одна тишина
Зловѣще молчащая...

Не слышию ни стоновъ, ни жалобъ.
Ночи? Дня?
Смерть!
Вонзи свое жало въ меня!

1915.

О, городъ жуткій! Мимо! Мимо!
Тебя бѣгутъ мои года.
Разыгранная пантомима
Не будетъ больше никогда.

Еще могу, вдыхая сырость,
Смотрѣть на блескъ твоихъ огней,
Но духъ мой обнаженный выросъ
Въ шуршаніи змѣиныхъ дней.

Какія передъ нимъ видѣнья
Прошли! Какой кровавый свѣтъ!
И что ему теперь паденья,
Свершенные въ семнадцать лѣтъ!

Все, что когда-то, какъ угроза,
Висѣло надъ крестомъ моимъ,
Сейчасъ, подъ вздохи паровоза,
Припоминается чужимъ.

1915 г.
Ростовъ-Донъ. Поѣздъ.

Панѣ.

Едва вздохнулъ—уже далече
Кубань и дремлющій Темрюкъ.
Но поцѣлуй, пожатъе рукъ,
Но слезы счастья, слезы встрѣчи,
Нежданной встрѣчи—все со мной.

Люблю тебя. Тебѣ одной
Тоскующаго сердца думы.
Пусть океанъ войны, угрюмый,
Бьетъ въ берегъ новою волной,
Грозитъ страданіемъ безмѣрнымъ—
Свѣтъ жизни въ сердцѣ не погасъ.

Люблю тебя, какъ въ первый разъ,
И до конца пребуду вѣрнымъ!

1915.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Мнѣ далеки весны забавы.
Мой домъ печальный на краю.
Не для людскихъ похвалъ и славы.
Я пѣсни горькія пою.

Но если ты, мой гость случайный,
Ко мнѣ, смѣясь, откроешь дверь,
Въ моей душѣ проснется тайный,
Давно-давно уснувшій звѣрь.

Я укушу, цѣлуя, руку,
Сдавлю холодное плечо.
И ты почувствуешь по стуку,
Какъ это сердце горячо.

И ты еще почувешь смутно,
Услышавъ мой звѣриный плачъ,
Увидя взглядъ безумно-мутный,
Что жертва я и ты—палачъ!

РОНДЕЛЬ.

Забыть влюбленности затѣй
Я не могу и въ злую зиму:
Разыгранную пантомиму —
И флейты звукъ, и стукъ костей,

И крикъ смѣющихся дѣтей,
Влекомыхъ къ сказочному Риму.
Забыть влюбленности затѣй
Я не могу и въ злую зиму.

Что въ жизни можетъ быть святѣй,
Когда часы подобны дыму?
Какой ударъ печальный Миму —
Въ плѣну разсудочныхъ страстей
Забыть влюбленности затѣй.

III.

Какъ неустанная пчела,
Жужжить и день, и ночь забота.
И ты—не ты, а только кто-то,
Надъ кѣмъ жужжить, жужжить забота —
Неотгонимая пчела.

1914.

Не я одинъ раздавленъ свѣтомъ
И падаю въ глухую ночь!
Шепчи, шепчи свое, пророчъ,
Иди по улицамъ скелетомъ.

Не всѣмъ понятенъ будешь ты,
И у глупцовъ улыбокъ много,
Когда покажешь имъ цвѣты
Тебѣ подаренные Богомъ.

1916.

ТРИОЛЕТЫ.

I.

День отошелъ, звеня тоской.
Зажегся снова свѣтъ вечерній.
Какъ воръ, похитивъ мой покой,
День отошелъ, звеня тоской.
И я дрожащею рукой
Крещу вѣнокъ изъ острыхъ терній.
День отошелъ, звеня тоской.
Зажегся снова свѣтъ вечерній.

II.

Зажегся снова свѣтъ вечерній
И тихій свѣтъ моей души.
Удары сердца равномѣрнѣй—
Зажегся снова свѣтъ вечерній.
Тамъ гдѣ-то шумный ропоть черни,
А здѣсь, въ молчаньи и въ тиши,
Зажегся снова свѣтъ вечерній
И тихій свѣтъ моей души.

Когда были розданы роли,
Мнѣ не моя досталась.
Принялъ чужую усталость,
Чьи-то тяжкія боли.

Но играю покорно,
И страдальчески сердце бьется.
А тамъ, другой, притворно
Торжествуетъ, любитъ, смѣется!

1917.

Господь, прости! Господь, очисти!
Мои грѣхи, актерство, ложь.
Я муха въ паутинѣ истинѣ,
Испытывающая дрожь.

И каждый день—подобье казни.
И каждый часъ—тоска, тоска!
Въ тискахъ безумья и боязни
Невидимаго паука.

3. Давыдову.

Смѣюсь на людяхъ. Тайно плачу.
Боль помню. Забываю ласку.
И подъ плащемъ зачѣмъ-то прячу
Кинжалъ и бархатную маску.

Безумства надоѣли позы,
И мука на лицѣ усталомъ.
Ахъ! Развѣ маска скроетъ слезы?
И развѣ боль убью кинжаломъ?

1917.

СКИТАЛЬЦЫ.

Морозный вѣтеръ щеки колетъ.
Ослѣпли души и глаза.
Такой невыносимой боли
Не смоетъ жгучая слеза.

Отъ холода кусаемъ пальцы,
Подпрыгиваемъ и поемъ.
Не знаемъ, бѣдные скитальцы,
Куда идемъ? Зачѣмъ идемъ?

Забыли мы свои жилища,
Тепло родимаго угла.
Надъ нами вѣтеръ острый свищетъ
И сѣрая струится мгла.

И впереди—ни звѣздъ, ни звука,
Ни знака о концѣ пути.
Какая боль! Какая мука—
Слѣпымъ въ слѣпую ночь итти!

Зачѣмъ обманывать себя!
Не знаю больше: что я, гдѣ я!
Больное сердце, холодѣя,
Еще трепещетъ, но скорбя.

Безчувственный, нѣмой, иду,
Несу тяжелыя вериги —
Людей, природу, пѣсни, книги —
Пока подъ ними не паду...

Никому не откроешь
Души, молчаливо живущей,
 Страданья.
Дни ея золотого молчанья
 Такъ мучительны
 И хороши!

Все, что властно когда то влекло,
И о чемъ горячо говорилось,—
Въ этихъ дняхъ золотыхъ растворилось,
Въ полѣ памяти трупомъ легло.

1914.

Какую тоску повѣдаю міру?
Сниму-ли тяжесть съ усталыхъ плечъ?
Изъ рукъ ослабѣвшихъ выронилъ лиру
И въ руки принялъ картонный мечъ.

Удары сердца все громче, чаще.
Тоска унылѣй и тяжелѣй...
Не бойся, Боже, руки грезящей,
И злую душу пожалѣй!

СМЕРТЬ.

I.

Мы знали—это конецъ.
И больше не будетъ муки.
Участливо чьи-то руки
На трупъ возложили вѣнецъ.

И голосъ женскій сказалъ:
(Такой зловѣщій и рѣзкій!)
—Задержите занавѣски!—
И тише:—закройте глаза...

II.

Плакали и причитали,
Похоронныя пѣли пѣсни.
Монашки псалтирь читали,
Бормоча: воскресни, воскресни...

Покойникъ не шевелился.
Покою смерти былъ радъ онъ.
Задыхаясь, тихо струился
Синій, удушливый ладанъ...

ПАДЕНЬЕ.

Какая мука невозможная
Паденье въ бредъ и пустоту!
Ночь—до утра—тоска картежная,
А днемъ костяшекъ четкій стукъ.

Какъ будто дни навѣкъ опутаны
Безплодьемъ пошлости людской.
Какъ будто недругу—минутами
Сіяетъ солнце надо мной.

И какъ-то тупо сердце мечется,
Вдругъ окрыляется и вотъ...
Опять на плоскости калѣбится,
Свой жалкій завершая взлетъ.

И въ завываньи адской музыки,
Я узнаю законъ судьбы:
Съ такимъ я буду связанъ узами,
До зова ангельской трубы.

1917.

ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Кругъ постылый дорисованъ,
И запятанъ кладъ зимы.
И съ дверей моей тюрьмы
Сбиты ржавые засовы.

Свѣтлый день освобожденья,
Воскресенье всѣхъ надеждъ!
Отчего-жъ не чую вѣждъ
Осторожнаго движенья?

Отчего-же черствый хлѣбъ
Изъ котомки мной не вынутъ?
Или жалко мнѣ покинуть
Мой пріютъ невольный — склепъ?

Но прощаюсь! Не спѣша,
Вывожу углемъ у входа:
—Тѣлу мнимая свобода;
Здѣсь оставлена душа!—

1917.

„Въ часъ разставанья мы видимъ яснѣй“.
Лермонтовъ.

Въ часъ разставанья, въ часъ тревоги,
Я вижу глубже и яснѣй—
Какія трудныя дороги
Легли на переломѣ дней.

И какъ по нимъ, въ безумномъ страхѣ,
Съ мечемъ зазубреннымъ въ рукѣ,
Иду я въ шутовской рубахѣ,
Въ кроваво-красномъ колпакѣ.

Иду покорный и суровый
До обѣтованныхъ воротъ.
А тамъ, за ними, будетъ новый,
Уже небесный, эшафотъ!

1914.

IV.

КАМИНУ*).

О, міръ! большой, настоящій,
Обрученный однимъ кольцомъ!
Среди обывательской чаши
Улыбающееся лицо.

Догорѣли дрова и хворостъ,
Растаялъ снѣжный покровъ.
Теперь мы будемъ нескоро
Читать стихи нараспевъ.

Но каждый, въ пути отдѣльномъ
Ведущій съ Музою рѣчь,
Тотъ голосъ зимній, свирѣлый
До гроба будетъ беречь.

1919.

*) Н. Клепперъ, Панъ, С. Соколовской, О. Ферликовской,
З. Давыдову, Ю. Иванову, А. Сказкѣ, Н. Чиркову.

СОНЕТЪ-АКРОСТИХЪ.

Роману Ефремову.

Разлукой злой разорванъ дружбы кругъ.
Огни привѣтовъ погасило время.
Миѣ выпало печальныхъ странствій бремя,
А ты остался дома, милый другъ.

Но насъ томилъ одной мечты недугъ.
Упорно мы бросали въ землю сѣмя.
Его посѣвъ сберетъ иное племя;
Финальный часъ прославить вѣрныхъ слугъ.

Родныхъ сердецъ сливая стукъ, побѣдный,
Единый насъ благословить вѣнецъ.
Мечту земли несли мы не безслѣдно.

Обоимъ намъ въ пути одинъ конецъ:
Возжечь маякъ надъ этой жизнью бѣдной,
Увлечь къ мечтѣ любовь чужихъ сердецъ.

1919.

ОТВѢТЪ.

С. В. Троцкому.

Нѣжнымъ зовомъ прошумѣли
Строки твоего письма...

Изъ тумансвѣ злыхъ ущелій
Вьется горныхъ тропѣ тесьма.
По одной—твоя дорога.
(Восхожденья сладкій путь!)
Надъ тобой дыханье Бога—
Разъ вздохнуть, навѣкъ уснуть.
А душа, какъ горѣ вершины,
Бѣлоснѣжна и нѣжна.
И Венера—часъ единый—
Взору твоему видна.

1916.

ВЪ КОМНАТѢ ПОЭТА.

З. Давыдову.

Здѣсь тишина всегда глубока.
Ровна, какъ лампіона свѣтъ,
Недвижна, какъ поэта Блока
На письменномъ столѣ портретъ.

Здѣсь вдохновлялся ты и плакалъ,
Но не актерствуя, одинъ.
И надъ тобой будильникъ такалъ,
Считая прахъ твоихъ годинъ.

Здѣсь, можетъ быть, въ чаду разсвѣта,
Послѣдній прочитавши стихъ,
Ты громкимъ трескомъ пистолета
Встревожишь сонъ любимыхъ книгъ.

1916.

С. Соколовской.

Ты одна въ большемъ, печальномъ домѣ.
Ты грустишь по вечерамъ одна.
И душѣ твоей всего знакомѣй
Сѣрая, слѣпая тишина.
Знаешь ты тоску самосожженья,
Смерть того, что память сберегла...
Рукъ твоихъ усталыя движенья
Повторяютъ молча зеркала.

1916.

М. В. Я.

Много я знаю сердецъ, но такого не вѣдалъ донинѣ.
Ангельскій взглядъ у тебя—въ сердцѣ тревога и
страхъ.

Руки, дрожащія такъ, словно кто то немилый цѣлуетъ;
Узкія, въ кольцахъ, онѣ будто второе лицо.

Сны да приснятся тебѣ о прошедшемъ—прекрасномъ
и миломъ,

Я же прощенья прошу, если дурное сказалъ.

СУМАСШЕДШІЙ.

Г. А. А—му.

Я былъ въ забвеніи—вѣдомъ нынѣ.
Мнѣ сладкой славы ореолъ.
Да! Эго я Екатеринѣ
Парикъ особый изобрѣлъ.

Могу-ль забыть восторга клики
Придворныхъ кавалеровъ, дамъ,
Когда она, о, мигъ великій!
Пошла со мною къ ихъ рядамъ.

И всѣмъ, кто гнулъ предъ нею спину,
Съ улыбкой говорила:—онъ
Порадовалъ Екатерину,
Евламπίевъ Виссаріонъ,

Онъ изобрѣлъ парикъ прелестный,
И въ немъ я всѣхъ красивѣй дамъ.
За это я ему извѣстный
И самый лучшій титулъ дамъ.

И вдругъ—забилъ фонтанъ кровавый,
Раздался выстрѣлъ, грянулъ громъ.
И я придворною оравой
Былъ брошенъ въ сумасшедшій домъ.

1916.

ВИЗИТЪ.

Опять звонокъ залаялъ.
Вошелъ лѣниво Онъ.
Визита скука злая
Лилась со всѣхъ сторонъ.

Прямой, сухой и строгій,
Въ калошахъ и пальто,
Онъ сталъ шипѣть о Богѣ
И... логикѣ Минто.

О новомъ символизмѣ,
О тайнѣ естества.
Какъ въ ржавомъ механизмѣ
Цѣплялися слова.

Одинъ, другой и третій
Уныло шли часы...
Такой тоски на свѣтѣ
Не вѣшали вѣсы!

1918.

С Н Ы.

I.

Эта вьюга желѣзными иглами
Прокалываетъ нѣжную кожицу.
Въ парикмахерской брили и стригли,
И зловѣще лязгали ножницами.

Въ парикмахерской возлѣ Лагутина,
Въ суррогатахъ всякой косметики,
Парикмахеръ смѣется и шутить,
И уныло сидятъ поэты.

Но вотъ за стеклянной витриною
Проскользила нетлѣнная Лена.
У обоихъ поэтовъ вынули
Сознаніе постепенно.

Одинъ прошепталъ: о, милая!
Другой прохрипѣлъ: проклятая!
И щеки обоихъ уныло
Напудрила вата.

Эта вьюга желѣзными иглами
Прокалываетъ нѣжную кожицу.
О, лучше-бъ не брили и не стригли,
И зловѣще не лязгали ножницы!

1918.

II.

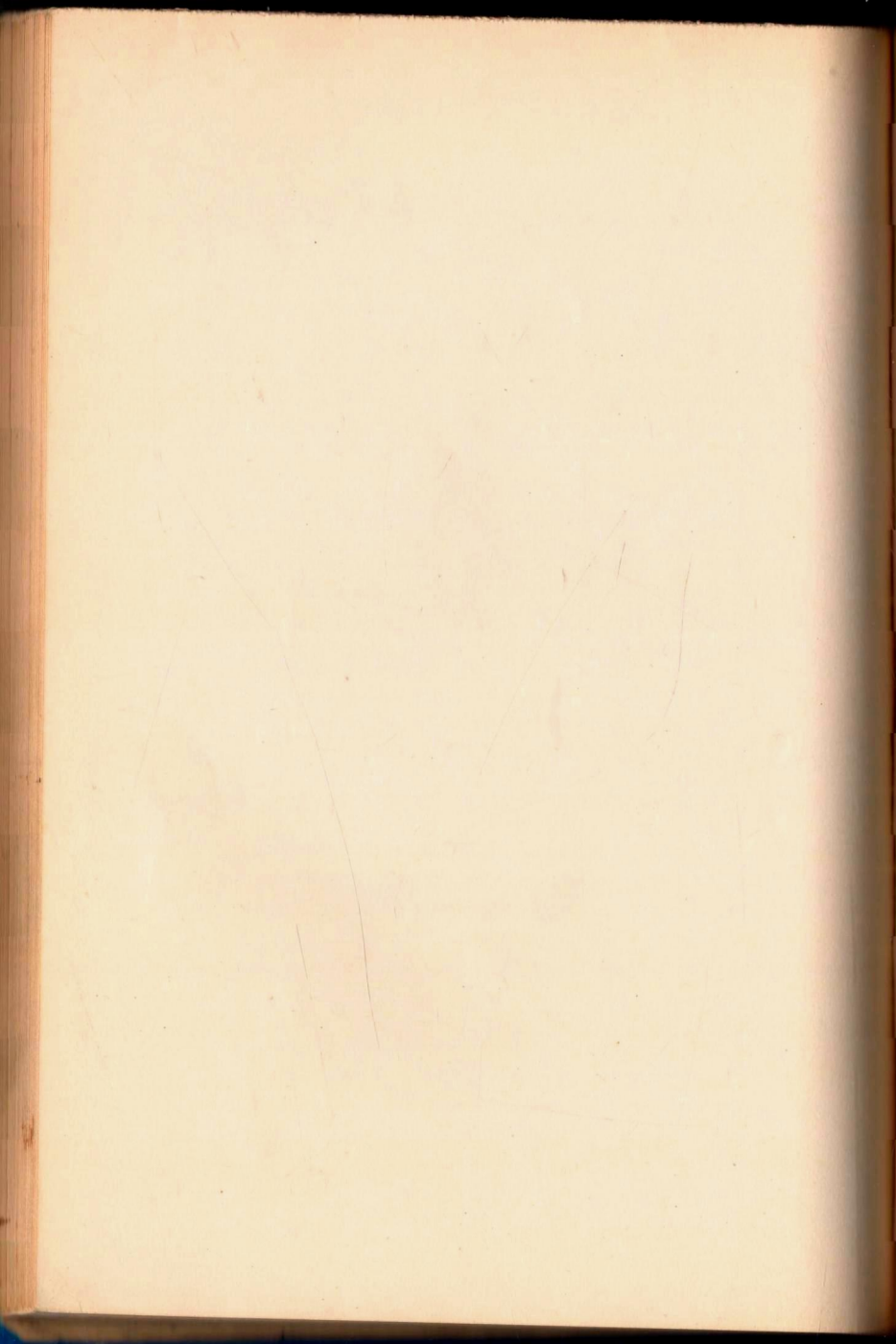
Паровозъ перерѣзалъ рельсы,
Прохрипѣлъ, просвистѣлъ, растаялъ.
Люди покорно сидѣли
У мокраго куста.

Рыбаки закинули сѣти.
Паруса надулись грузно.
Въ фосфорическомъ, тихомъ свѣтѣ
Плавали большія медузы.

И вдругъ—закричали чайки,
Захлопали въ ладоши люди!..
Такого отчаянья,
Я знаю, никогда не будетъ.

1918.

v.

ВѢНОКЪ СОНЕТОВЪ.

(1916—1919).

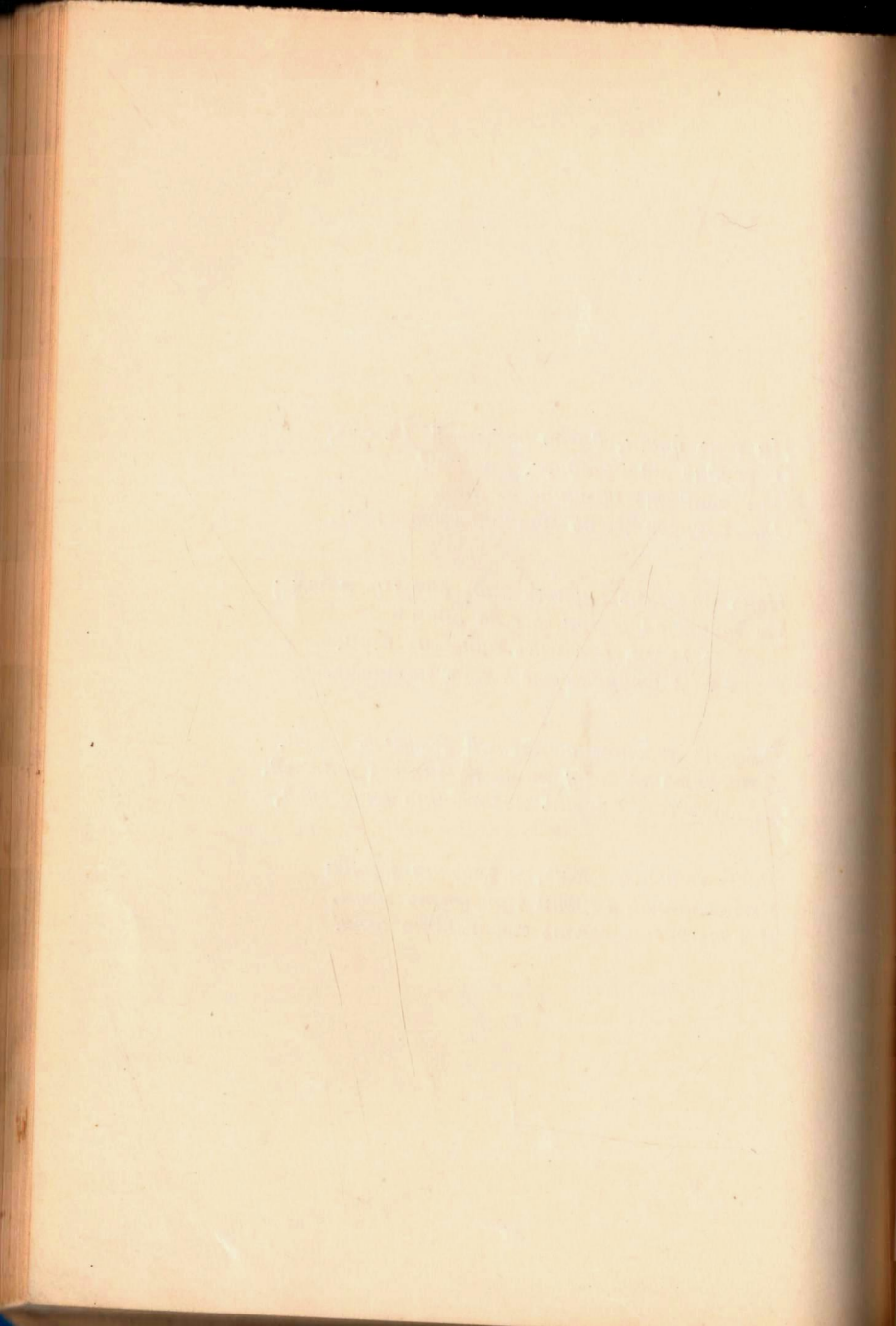

На сонъ души, давно забытой Богомъ,
О, сердце милосердное, взгляни!
Она хранитъ обманутые дни,
Свое сокровище, въ молчаньи строгомъ.

Ночь полоумъ виситъ надъ сирымъ ложемъ;
Во тьмѣ ея всегда, всегда одни
Заботъ глаза, слѣпыхъ надеждъ огни,
Какъ псы сторожевые предъ порогомъ.

Вокругъ лежатъ страстей земныхъ гроба,
Возносятся къ небу темный запахъ тлѣнья.
И жаждетъ смерть послѣдняго миновенья,—

Вотъ грянетъ громъ, и грозная труба
Къ желанной жизни призоветъ меня,
И вспыхнетъ свѣтъ послѣдняго огня!

I.

На сонъ души, давно забытой Богомъ,
Льетъ творческая тайна благодать.
И сладко мнѣ въ тиши ночей рыдать,
Тревожа сердце просьбой о немногомъ.

И сладко мнѣ въ пути моемъ убогомъ
Хоть каплю крови настоящей дать.
Не звѣремъ безсловеснымъ увядать,
Но возноситься человѣкобогомъ.

И чувствовать, что ты—одинъ, ничей,
Летащій въ высь, въ молчаніи ночей,
Терзаемый тобой творимой новью.

И что тебѣ стократный крикъ: распни!
На нихъ, невѣдающихъ, ты съ любовью,
О, сердце милосердное, взгляни!

II.

О, сердце милосердное, взгляни
Какъ страждетъ плоть въ разрывахъ злой разлуки!
Часы сліяній горше крестной муки—
Чѣмъ больше ихъ, тѣмъ тягостнѣй они.

Законъ одинъ: терзайся и кляни,
Считай, скорбя, тоски глухіе стуки,
Цѣлуй любовницы немилой руки,
Въ постылой страсти жертвою тони.

Когда на мигъ тебя коснется вѣчность,
Когда на мигъ душа увидитъ рай,
Лежи, недвижный, плачь и замирай.

И вспоминая дѣтскую безпечность,
Вздыхай душой усталой и стони:
Она хранитъ обманутые дни.

III.

Она хранить обманутые дни—
Безплодіе, болѣзни и утраты,
Какъ черный даръ, какъ темный знакъ расплаты,
И Ты отъ нихъ лица не уклони.

Когда въ трубу возмездья прозвонить
Твой вѣстникъ строгій, свѣтлый и крылатый,
Послѣднимъ гнѣвомъ огненнымъ объятый,
Ты душу еновь на землю не верни.

Она концу пути земного рада,
И ей не страшенъ вѣчный пламень ада—
Знакомый сонъ мучительной земли.

И Люциферъ облечь пурпурнымъ тогамъ
Позволить всѣхъ, кто на землѣ несли
Свое сокровище въ молчаньи строгомъ.

IV.

Свое сокровище въ молчаньи строгомъ
Отъ взоровъ жадныхъ крѣпко охрани.
Пусть видятъ ночи и не знаютъ дни
Того, что скрыто за твоимъ порогомъ.

Ворвавшихся, незванныхъ, низкимъ слогомъ
Рѣчей обычныхъ мудро обмани.
Не выдай тайны. Да уйдутъ они,
И ты одинъ води бесѣду съ Богомъ.

Одинъ молись и знаменія жди,
Слагай стихи—души ночной цвѣтеня,
Отъ злого міра крѣпкій шить спасеня.

Свирѣпый день убить Единорогомъ.
Ужъ близокъ срокъ. Свершается: гляди!
Ночь пологомъ виситъ надъ сирымъ логомъ.

V.

Ночь ~~по~~логомъ виситъ надъ сирымъ логомъ,
И тяжекъ гнетъ постылаго труда,
И давятъ плечи грузные года,
И мнутъ мечты завѣтныя о многомъ.

Но знаю я, что есть конецъ тревогамъ,
Что есть покой—пасти свои стада,
Вести туда, гдѣ травы и вода,
И сладкій сонъ въ тиши ночной подъ стогомъ.

Ночныхъ часовъ глубока тишина,
И въ небѣ звѣздномъ много вѣщихъ знаковъ.
Увидишь: съ Богомъ борется Іаковъ...

И въ трепетѣ священномъ, вставъ отъ сна,
Увидишь ночь и дальніе огни—
Во тьмѣ ея, всегда-всегда одни.

VI.

Во тѣмѣ ея всегда-всегда одни
Огни любви—пути ночного звенья.
И музыка, и отзвукъ дальній пѣнья,
И голосъ нѣжный, шепчущій: усни.

То голосъ Твой. Онъ манитъ и пьянитъ,
Взвѣвая пепелъ хладнаго забвенья.
И жизнь встаетъ, и вотъ опять видѣнія—
Святого дѣтства золотые дни.

О, если-бъ мнѣ, несущему донинѣ
Свой крестъ тяжелый въ горніе края,
На мигъ вернулась та любовь моя,

Что я развѣялъ въ міровой пустынѣ!
Но бейся, сердце злое, и кляни
Заботъ глаза, слѣпыхъ надеждъ огни.

VII.

Заботь глаза, слѣпыхъ надеждъ огни—
Какъ много ихъ! Какъ злы они и строги!
Ужель они пути въ Твои чертоги,
Гдѣ ангельская музыка звенить?

Вся власть въ Тебѣ. О, Боже! измѣни
Тяжелыя, неровныя дороги
И странниковъ измученныя ноги
Въ источникъ твой прохладный окуни.

Воистину, достойны ласки неба—
Чье знамя кровію твоей окроплено,
Кто отдалъ все, кому взамѣнъ дано

Въ награду ждаты ломти иного хлѣба.
Взгляни на насъ! Мы ждемъ въ молчаньи строгомъ,
Какъ псы сторожевые предъ порогомъ.

VIII.

Какъ псы сторожевые предъ порогомъ
Хранять покой до перваго луча,
Когда о солнцѣ пѣтухи кричатъ
И облака подобны краснымъ тогамъ,

И ночь спѣшитъ по каменнымъ отрогамъ
Уйти къ себѣ, тумановъ шлейфъ влача,
Когда пастухъ зоветъ стада, звуча
Въ долины горъ своимъ пѣвучимъ рогомъ,—

Такъ охраняю тяжкій свой недугъ
Въ часы ночей протяжныхъ и прозрачныхъ.
И зорекъ взоръ, и тонокъ острый слухъ:

Твори-ль шаги? не Ты-ль въ одеждахъ брачныхъ
Идешь сюда, гдѣ облѣпивъ раба,
Вокругъ лежатъ страстей земныхъ гроба?

IX.

Вокругъ лежатъ страстей земныхъ гроба—
Безумныхъ дней кошмарныя явленья,
Нѣмые знаки злого озвѣренья,
Какихъ досель не вѣдала борьба.

Не градомъ бурь побитые хлѣба,
Не молніей сожженныя селенья.
Призвила—смерть и мерзость запустѣнья
Твоихъ сыновъ кровавая гульба.

Здѣсь проходили дьявольскія рати,
Какъ дикая и злая саранча.
Гремѣли выстрѣлы и руки палача

Забыли счетъ мучительныхъ распятій.
Какъ жертву міра, хаосъ разрушенья
Возносить къ небу темный запахъ тлѣнья.

Х.

Возносятся къ небу темный запахъ тлѣнья
Безмолвные въ руинахъ города.
И сѣтъ свѣтъ высокая звѣзда—
Благая вѣсть о таинствѣ прощенья.

Но я молчу въ пыли уничиженья,
Въ тискахъ безумной муки и стыда.
Ужели Ты отвѣтишь кроткимъ *да*
На ужасъ небывалаго паденья?

Но кто цѣлуетъ въ сжатые уста?
Чей голосъ нѣжный, полный сожалѣнья,
Мнѣ шепчетъ внятно: „было три креста,

И три распятыхъ вѣдали томленья.
А нынѣ міръ—голгоѣскія мѣста,
Гдѣ жаждетъ смерть послѣдняго мгновенья“.

XI.

Да! Жаждетъ смерть послѣдняго мгновенья,
Побѣды вѣчной надъ истокомъ зла.
Когда мечемъ разрубятъ вязь узла
Грядущія изъ мрака поколѣнья.

Когда восторгъ и радость достиженья
Плеснуть лучи до cadaго угла.
И свитокъ свой советъ слѣпая мгла
Предъ пламеннымъ огнемъ Преображенья.

Еще крѣпка страстей земныхъ броня,
Еще сердца томятся въ душномъ склепѣ,
Но каждый рветъ рукой дрожащей цѣпи,

Свободы стягомъ сердце осяня.
И громче міра крѣпкая мольба:
Вотъ грянетъ громъ и грозная труба!

XII.

Вотъ грянетъ громъ, и грозная труба
Прольетъ на землю вѣсть освобожденья,
И сбросимъ мы съ гробовъ своихъ каменя,
И древней смерти кончится косьба.

Сниму я вѣнчикъ съ воскового лба,
Покину, мудрый, мѣсто заточенья.
Сойду я въ нѣдра. Въ тайнѣ обрученья,
Паду зерномъ, чтобъ выросли хлѣба.

И все, что было тамъ—вверху—пустыней,
Что засыпало пепломъ зелена,
Здѣсь, въ глубинѣ, движеніе храня,

Въ землѣ сырой, начало злое вынетъ,
И знаю я, что не напрасно нынѣ
Къ желанной жизни призоветъ меня.

XIII.

Къ желанной жизни призоветъ меня
Не творчество окованное мукой,
Не страсти зовъ, грозящій злой разлукой,
Не шумный блескъ обманчиваго дня.

О, нѣтъ, не къ нимъ, что муча и дразня,
Мой прежній путь вязали сѣрой скукой,
Что шли за мной безглазой и безрукой,
И злой судьбой, въ глухую ночь маня.

То боль была. То были въ мукахъ роды,
Когда омыла кровь лицо свободы
И Царство Духа приняло меня.

Мой путь второй—дары любви отвѣтной.
Ты примешь ихъ съ улыбкою привѣтной
И вспыхнетъ свѣтъ послѣдняго огня.

XIV.

И вспыхнетъ свѣтъ послѣдняго огня,
Лія потокомъ яростнымъ сожженъе.
И остановится земли круженъе,
Какъ быстрый бѣгъ плѣннаго коня.

О, мать-земля! Съ тобою у меня
Одна душа, одно у насъ движенъе,
Одной мечтѣ свершали мы служенъе,
Въ пути своемъ, одной тоской звеня.

Обоихъ насъ поила вѣчность бредомъ.
Летѣли мы и былъ полетъ невѣдомъ,
И мы вязали въ цѣпи кольца лѣтъ.

Молились мы предъ огненнымъ чертогомъ.
И пролилъ онъ желанный, милый свѣтъ
На сонъ души, давно забытой Богомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

UNAWYKOC

ЧЕРНЫЯ ОБЛАКА.

I.

Война	7
Спускается на землю мгла	8
На взятіе Перемышля	9
Схватили руками грязными	10
Задыхаюсь отъ боязни	11
Усталая Смерть	12
Въ тѣ дни, когда бѣсилась нежить	14
Протяжны попрежнему свисты	15
Отступленіе	16
Я не знаю мучительнѣй ночи	17
Тоской въ зоологическомъ саду	18
Мы исчисляемъ сроки	19
Пророкъ	20
Богъ справедливости утѣшенъ	22
Шаблонъ	23
Еще поединокъ не конченъ	24

II.

Я прикоснусь къ тебѣ алмазно	27
Дѣнадцать сновъ душѣ приснилось	28

Не позоветь, не засмѣется	29
Я отравленъ смертельнымъ ядомъ	30
О, старая, старая сказка	31
Ты тщетно желанье неволишь	32
Я не желаю невозможнаго	33
Обреченность	34
Когда расходятся пути	35
Разлука I	36
II	37
Здѣсь все мертво, туманно, сыро	38
Вотъ сумашествіе поэта	39
Распятіе	40
О, городъ жуткій!	41
Едва вздохнулъ, уже далече	42
Отшельникъ	43
Рондель	44

III.

Какъ неустанная пчела	47
Не я одинъ раздавленъ свѣтомъ	48
Тріолеты I	49
II	50
Когда были розданы роли	51
Господь, прости! Господь, очисти!	52
Смѣюсь на людяхъ. Тайно плачу	53
Скитальцы	54
Зачѣмъ обманывать себя!	55
Ни кому не откроешь	56
Какую тоску повѣдаю міру?	57

Смерть I	58
II	59
Паденье	60
Освобожденье	61
Въ часъ разставанья, въ часъ тревоги	62

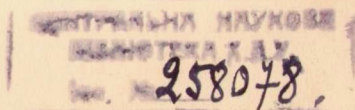
IV.

О, міръ! большой, настоящий	65
Сонетъ-акростихъ	66
Отвѣтъ	67
Въ комнатѣ поэта	68
Ты одна въ большомъ, печальномъ домѣ	69
Много я знаю сердецъ	70
Сумасшедшій	71
Визитъ	73
Сны I	74
II	76

V.

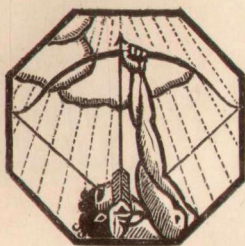
Вѣнокъ сонетовъ.

На сонъ души, давно забытой Богомъ	81
I	83
II	84
III	85
IV	86
V	87

VI	88
VII	89
VIII	90
IX	91
X	92
XI	93
XII	94
XIII	95
XIV	96

258078

**К-ВО
, СТРѢЛЕЦ'**

Готовятся къ печати стихи:

З. ДАВЫДОВА.
О. НИКОЛЬСКОЙ.
НАТ. КЛЕЦНЕРЪ.
О. ФЕРЛИКОВСКОЙ.

Складъ изданій: Книжный Складъ бывш. Губернскаго
Земства, Шоссейная, 28.

Отпечатано въ типографіи Черниговскаго Губернскаго
Совѣта Народнаго Хозяйства въ количествѣ 1000 экзем-
пляровъ, въ томъ числѣ 100 именныхъ. Обложка работы
художника *А. Ръзникова*. Марка издательства работы ху-
дожника *Д. Егорова*. Гравировалъ на мѣди *Г. Михалевъ*.

Ugy novon